

Н. Ф. БУДАНОВА

ПРОБЛЕМА «ОТЦОВ» И «ДЕТЕЙ» В РОМАНЕ «БЕСЫ»

Тургенев в «Бесах». При этих словах читателю вспоминается Кармазинов — маленький упитанный старичок, самовлюбленный, тщеславный, по существу ничтожный. Общеизвестно, что это ядовитая пародия на Тургенева, которого Достоевский зло и беспощадно казнит в своем романе. Вопрос о соотношении образа Кармазинова с подлинным Тургеневым, его личностью и творчеством, основательно изучен. Достаточно упомянуть в связи с этим обстоятельством работы Ю. А. Никольского и А. С. Долинина.¹

Можно ли считать, однако, что пародийным образом великого писателя в романе полностью исчерпывается проблема «Тургенев в „Бесах“»? Ведь, как мы знаем, острейшая полемика не только с нигилистами, но и с теми «западниками» 40-х годов, к которым причислял себя Тургенев, отчетливо звучит в «Бесах». А многочисленные упоминания о Тургеневе в подготовительных материалах к «Бесам» и в письмах Достоевского 1869—1871-х годов далеко не всегда связаны с Кармазиновым. Они наводят на мысль, что роль Тургенева в творческой истории «Бесов» была более значительной, чем это представляется на первый взгляд.

Попробуем же еще раз вернуться к, казалось бы, хорошо изученному вопросу и определить эту роль на основе широкого круга источников, в том числе черновых материалов к «Бесам» и переписки Достоевского.

1

Возникновение замысла «Бесов» относится к самому началу 1870 г. Для понимания творческой атмосферы, в которой создавался роман, необходимо учитывать резко отрицательное отно-

¹ См.: Никольский Ю. Тургенев и Достоевский. (История одной вражды). София, 1921; Долинин А. С. Тургенев в «Бесах». — В кн.: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник 2. Под ред. А. С. Долинина. Л.—М., «Мысль», 1924, с. 119—136.

шение Достоевского к буржуазной Европе, усилившееся во время его длительного пребывания за границей (1867—1871) и обостренное тоской по России. В свете болезненного неприятия всего европейского в этот период становятся более понятными и выпады Достоевского в адрес русских «западников», с которыми он расходился в понимании путей преобразования русского общества и которых обвинял в порождении Нечаевых.

Основная тема писем Достоевского 1868—1870 гг. — Россия и Европа; именно с этой темой неразрывно связаны размышления писателя о самобытном, отличном от европейского, историческом пути развития России, о «русском верхнем слое» и «почве», о западниках и славянофилах, о либералах и нигилистах. Уже ко времени работы над романом «Идиот» у Достоевского на основе «почвеннических» взглядов,² сложилась религиозно-философская концепция Востока и Запада с ее главной идеей — идеей особой, мессианской роли православной России, призванной нравственно обновить духовно разлагающуюся Европу. Мысли о самобытном развитии России, о «русском призвании», о сущности «нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы» Достоевский настойчиво развивал и в многочисленных письмах заграничного периода, страстно полемизируя с «инакомыслящими». К этому времени относятся наиболее резкие высказывания Достоевского о Белинском и Тургеневе, ибо первый был в глазах Достоевского вождем «левых» русских «западников», а второй — выдающимся современным представителем знаменитого «поколения 40-х годов».

В 1867 г. идеологические расхождения между Достоевским и Тургеневым чрезвычайно обострились в связи с выходом в свет романа «Дым». «Западнические» симпатии Тургенева были отчетливо заявлены здесь в речах Потугина. «Эту книгу надо сжечь рукою палача», — заявил, если верить мемуаристам, о «Дыме» Достоевский.³

Эпизод баденской ссоры Достоевского и Тургенева в 1867 г., в значительной степени вызванной романом «Дым», не раз привлекал внимание исследователей.⁴ Мы коснемся здесь этого инцидента лишь в той мере, в какой он представляет интерес для творческой истории будущих «Бесов». Истоки же знаменитой ссоры следует искать, как это не раз отмечалось, в противопо-

² О «почвенничестве» Достоевского см.: Фридендер Г. М. Реализм Достоевского. М.—Л., «Наука», 1964; Кирпотин В. Достоевский в шестидесятые годы. М., «Худож. лит-ра», 1966.

³ Гаршин Е. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе. — «Исторический вестник», 1883, № 11; цитирую по книге: Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка. Под ред., со вступ. статьей и примеч. И. С. Зильберштейна. Л., «Academia», 1928, с. 182.

⁴ См. упоминавшиеся выше работы Ю. А. Никольского и А. С. Долинина, а также статью И. С. Зильберштейна к «Переписке» Достоевского и Тургенева (Л., 1928).

ложности идейно-политических воззрений писателей, а также в своеобразной «психологической несовместимости» их натур («он слишком оскорбил меня своими убеждениями», «я и прежде не любил этого человека лично», — признался Достоевский А. Н. Майкову).

Широко известное письмо Достоевского к А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г. с подробным описанием ссоры существенно не только для понимания образа Кармазинова-Тургенева в «Бесах», но и для идейно-философской концепции романа в целом. Взволнованно-страстное и крайне субъективное восприятие Достоевским неприемлемой для него «западнической» программы Тургенева, нашедшее отражение в письме к А. Н. Майкову, становится понятным лишь с учетом романа «Дым» и речей Потугина, причем в возбужденном воображении Достоевского сам Тургенев неизменно сближался (а подчас и сливался) с Потугиным.

Обвинения, предъявленные Достоевским Тургеневу в письме к А. Н. Майкову, — ненависть к России, космополитизм («ползание перед немцами»), атеизм, заискивание перед нигилистами. По словам Достоевского, «основное убеждение о России» Тургенева заключалось в следующем: «Если б провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве» (П., II, 31).

Очевидно, некоторые мысли Тургенева о Европе, его уважение к «началам европейской цивилизации» ассоциировались в сознании Достоевского с высказываниями Потугина, полемически заостренными против славянофильских теорий. Так, например, приведенное выше суждение о России восходит, по всей вероятности, к рассказу Потугина о Лондонской всемирной выставке: «...если бы такой вышел приказ, что вместе с исчезновением какого-либо народа с лица земли немедленно должно было бы исчезнуть из Хрустального дворца⁵ все то, что тот народ выдумал, — наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла в тартарары, и ни одного гвоздика, ни одной булабочки не потревожила бы, родная...»⁶ Очевидно, и мысль Достоевского о «ненависти» Тургенева и других «последователей Белинского» к России также навеяна высказываниями Потугина. «Я ее страстно люблю и страстно ее ненавижу, — говорит о России Потугин. — <...> Да-с; я и люблю и ненавижу свою Россию, свою странную, милую, скверную, дорогую родину».⁷ «Разница в том, —

⁵ Хрустальный дворец — главный павильон Всемирной выставки.

⁶ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Сочинения, т. IX. М.—Л., «Наука», 1965, с. 232—233. (Далее: Тургенев, Сочинения).

⁷ Там же, с. 173—174. К 1875 г. относится неосуществленный замысел полемической статьи Достоевского о «Дыме», которая, по-видимому, должна была войти в январский выпуск «Дневника писателя» на 1876 г. В связи

замечает Достоевский в письме к А. Н. Майкову, — что последователи Чернышевского просто ругают Россию и откровенно желают ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же, отпрыски Белинского, прибавляют, что *они любят Россию*» (П., II, 31).

Уже в письме к А. Н. Майкову Достоевский формулирует характерную для него и основополагающую для будущего романа «Бесы» мысль о духовной преемственности и идейном родстве, существующем между русскими «западниками» 40-х годов и современными нигилистами 1860-х годов.

«Западническая» программа, заявленная в «Дыме» Потугиным, получила развитие в «Литературных и житейских воспоминаниях». Изданные в 1869 г. «Воспоминания» носят ярко выраженный полемический характер. Это относится прежде всего к предисловию, а также к очеркам «Воспоминания о Белинском» и «По поводу „Отцов и детей“». В центре очерков — размышления Тургенева о России и Европе, т. е. та же самая проблема, которая волновала в это время и Достоевского, решавшего ее с других идейно-философских позиций.

Тургенев высказывает в «Воспоминаниях» свои мысли о России, историческое развитие и будущее которой он неразрывно связывает с ее европеизацией. Славянофильской концепции самобытного, неевропейского пути развития России писатель противопоставляет программу широкой европеизации страны, необходимости для нее творческого заимствования лучших достижений западной цивилизации.

«Литературные и житейские воспоминания», где «западнические» симпатии были выражены прямо и откровенно уже от лица самого Тургенева, вызвали у Достоевского не меньшее раздражение, чем «Дым». Следы этого раздражения, вылившегося в резкие выпады против Тургенева, Белинского и «западников» вообще, нетрудно обнаружить в подготовительных материалах к «Бесам», а отчасти и в окончательном тексте романа.

с этим Достоевский снова перечитал «Дым» и отметил: «Потугин — это сам г. Тургенев» (Литературное наследство, т. 83. М., «Наука», 1971, с. 374). Многочисленные заметки о Тургеневе, «Дыме» и Потугине в записной тетради 1875—1876 гг. определяют основные моменты давнего идейного спора Достоевского с Тургеневым — об отношении России к Европе и ее самостоятельном развитии в будущем, о своеобразном характере русского народного быта, идеалов, веры, культуры и т. д. Полемика с «потугинскими идеями» получила отражение в «Дневнике писателя» за 1876 г. и в черновых подготовительных материалах к нему (см.: Бельчиков Н. Ф. Тургенев и Достоевский. (Критика «Дыма»). — «Литература и марксизм», 1928, № 1, с. 63—94; см. также комментарий к записным тетрадям Достоевского 1875—1876 гг. — Литературное наследство, т. 83, с. 366—516). Имя Потугина становится для писателя нарицательным, обозначая «западника»-космополита, неверящего в самобытность России.

В воспоминаниях Тургенева внимание Достоевского-читателя могли привлечь наряду с программными декларациями «западнического» характера некоторые частности, еще более укреплявшие сложившееся у него со времени «Дыма» представление о Тургеневе как о «западнике» («немце») и нигилисте. Приведем некоторые примеры.

В предисловии к воспоминаниям («Вместо вступления») Тургенев, характеризуя свое отношение к Западу, вспоминает и годы учения в берлинском университете: «Я бросился вниз головою в „немецкое море“, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконец вынырнул из его волн — я все-таки очутился „западником“, и остался им навсегда».⁸

Эту черту — уважение к классической немецкой культуре — Достоевский позднее ядовито обыграет в «Бесах» («Я сделался немцем и вменяю это себе в честь»; ср. замечание Кармазинова о карлсруйской водосточной трубе и рассуждение Степана Трофимовича о немцах как о «двухсотлетних учителях наших», о русских, обучающихся в немецкой «петершколе», и др.).

Многочисленные отклики в печати вызвал очерк «По поводу „Отцов и детей“», где Тургенев еще раз напомнил о своем романе. Авторские суждения о Базарове порождали споры. К числу их принадлежало следующее признание Тургенева: «... вероятно, многие из моих читателей удивятся, если я скажу им, что, за исключением воззрений Базарова на художества, — я разделяю почти все его убеждения».⁹ Далее писатель приводит слова «одной остроумной дамы», назвавшей его «нигилистом», и добавляет: «Не берусь возражать; быть может, эта дама и правду сказала».¹⁰ «Еще бы не удивиться! Еще бы не прийти в крайнее изумление! — восклицает по этому поводу Н. Н. Страхов. — Тургенев-нигилист! Тургенев разделяет убеждения Базарова! Да что же может быть удивительнее подобной новости?»¹¹ По словам Н. Н. Страхова, вся цель «Воспоминаний» заключалась в том, чтобы доказать, что их автор «есть искренний нигилист».¹²

Приведенное признание Тургенева неоднократно ядовито пародируется в подготовительных материалах к «Бесам». Вот некоторые характерные записи 1870 г.:

⁸ Тургенев, Сочинения, т. XIV, с. 9; ср.: «Я слишком многим обязан Германии, чтобы не любить и не иметь ее как мое второе отечество» (предисл. к немецкому переводу «Отцов и детей» 1869 г. — там же, т. XV, с. 102).

⁹ Там же, т. XIV, с. 100—102.

¹⁰ Там же, с. 103.

¹¹ Косица Н. Еще за Тургенева. — «Заря», 1869, № 12; цитирую по кн.: Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом. СПб., 1885, с. 103.

¹² Там же, с. 117.

«Гр<ановски>й.¹³ Соглашается наконец быть нигилистом и говорит: „Я нигилист“ <...> Слухи о том, что Тургенев нигилист, и Княгиня еще больше закружилась».¹⁴ «Великий писатель¹⁵ был у Губернатора, но не поехал к Княгине сперва, чем довел ее до лихорадки. <...> Наконец приехал на вечер к Княгине. Просит прощения у Ст<удента> и заявляет ему, что он всегда был нигилистом». «Великий поэт: я нигилист».¹⁶

Для Достоевского, как и для Н. Н. Стрехова, в высшей степени знаменательно уже само признание «западника» Тургенева в симпатиях к нигилизму: оно было для них доказательством того, что русские «западники» и русские нигилисты восходят к общим европейским истокам, что нигилизм — явление для России чужеродное, не имеющее корней в национальной почве. «Свидетельство Тургенева, объявляющего себя в одно время и западником и нигилистом, есть важное доказательство того, что наш русский нигилизм нашел себе главную пищу, главную поддержку в учениях наших давнишних наставников немцев», — писал Н. Н. Стрехов.¹⁷

В подготовительных материалах к «Бесам» (и в окончательном тексте романа) широко обыграна любовь Тургенева к искусству, столь характерная для «поколения 40-х годов» в отличие от последователей Базарова. Этот момент играет существенную роль в полемике Кармазинова и Степана Трофимовича Верховенского с нигилистами. Верный рыцарь красоты и поэзии, Степан Трофимович, во многом пошедший на уступки нигилистам, в этом пункте оказался непреклонен. «Он бесспорно согласился в бесполезности и комичности слова „отечество“; согласился и с мыслию о вреде религии, но громко и твердо заявил, что сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо» (VII, 22). Последний бой с нигилистами за искусство, за вечную идею красоты Степан Трофимович выдержал на литературном чте-

¹³ Т. е. будущий Степан Трофимович Верховенский, основным реальным прототипом которого явился историк Т. Н. Грановский. В черновых материалах к «Бесам» Степан Трофимович обычно именуется Грановским.

¹⁴ Записные тетради Ф. М. Достоевского. Подгот. к печати Е. Н. Коншиной. Комментар. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. М.—Л., «Academia», 1935, с. 146. (Далее: Записные тетради).

¹⁵ Иронический термин «великий писатель» в применении к Кармазинову-Тургеневу в черновых материалах и окончательной редакции «Бесов», очевидно, навеян полемикой Достоевского с Щедриным начала 1860-х годов. В заметке «Литературная подпись» (1863) в ироническом тоне так отозвался о Тургеневе Щедрин, что, по объяснению Достоевского, и побудило его начать полемику с публицистом «Современника» (см.: Борщевский С. Щедрин и Достоевский. История их идейной вражды. М., Гослитиздат, 1956, с. 223).

¹⁶ Там же, с. 156, 157.

¹⁷ Стрехов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом, с. 151.

нии,¹⁸ вскоре после которого он отправился в «последнее странствование», закончившееся его смертью.

В период работы над «Бесами» для Достоевского, как уже отмечалось, было характерно особенно скептическое отношение к личности и деятельности Белинского.¹⁹

Возможно, что некоторые отзывы о Белинском в черновиках и окончательной редакции «Бесов» полемически направлены против той оценки, которую дает Белинскому Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях».²⁰ Назвав себя учеником и последователем Белинского, Тургенев следующим образом формулирует в воспоминаниях *profession de foi* своего учителя: «Белинский был настолько же идеалист, насколько отрицатель; он отрицал во имя идеала <...> Белинский посвятил всего себя служению этому идеалу, всеми своими симпатиями, всей своей деятельностью принадлежал он к лагерю „западников“, как их прозвали их противники. Он <...> был глубоко убежден в необходимости восприятия Россией всего выработанного Западом — для развития собственных ее сил, собственного ее значения <...> Принимать результаты западной жизни, применять их к нашей, соображаясь с особенностями породы, истории, климата — впрочем, относиться к ним свободно, критически — вот каким образом могли мы, по его понятию, достигнуть наконец самобытности, которую он дорожил гораздо более, чем обыкновенно предполагают».²¹

¹⁸ Идеал вечной красоты символизирует для Степана Трофимовича образ «Сикстинской мадонны» Рафаэля. «Я прочту о Мадонне, — заявил он незадолго до выступления на литературном чтении, — но подыму бурю, которая или раздавит их всех, или поразит одного меня! <...> Таков мой жребий. Я расскажу о том подлом рабе, о том вонючем и развратном лакее, который первый взмостится на лестницу с ножницами в руках и раздерет божественный лик великого идеала, во имя равенства, зависти и ... пищеварения» (VII, 280). Возможно, что Достоевский пародирует здесь следующее высказывание Тургенева в «Довольно»: «...но разве не та же стихийная сила, не сила природы сказалась в палице варвара, бессмысленно дробившего лучезарное чело Аполлона, в звериных воплях, с которыми он бросал в огонь картину Ахиллеса?» (Тургенев, Сочинения, т. IX, с. 120). «А я объявляю, — в последней степени азарта провизжал Степан Трофимович (во время выступления, — Н. Б.), — что Шекспир и Рафаэль — выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше почти всего человечества <...> и, может быть, высший плод, какой только может быть!» (VII, 395). Ср. у Тургенева в «Довольно»: «Венера Милосская, пожалуй, несомненное римского права или принципов 89-го года» (Сочинения, т. IX, с. 119).

¹⁹ Об отношении писателей в предшествующие годы см.: Кирпичин В. Достоевский и Белинский. М., «Сов. писатель», 1960.

²⁰ На знакомство Достоевского с воспоминаниями Тургенева о Белинском указывает прямая ссылка на них в подготовительных материалах к «Бесам»: «Тургенев правду сказал про него, что он знал очень мало даже и научно, но он понимал лучше их всех» (Записные тетради, с. 117; ср.: Тургенев, Сочинения, т. XIV, с. 29—31).

²¹ Тургенев, Сочинения, т. XIV, с. 42.

Программа Белинского, как ее излагает Тургенев в своем очерке, для Достоевского по существу ничем не отличается от потугинской. В представлении Тургенева Белинский — центральная фигура России 1840-х годов, передовой русский деятель, кровно связанный с народом («он всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа...»), чутко уловивший требования эпохи. Для Достоевского же Белинский, как и другие представители «поколения 40-х годов», — это «западник», оторванный от родной почвы, презирающий исконные этические и религиозные идеалы русского народа.

Характерны в этом отношении февральские черновые записи 1870 г. к «Бесам»:

«Ш<атов> говорит о помещиках и семинаристах и о том, что Белинский, Грановский — просто *ненавидели* Россию (NB. Подробнее и метче о ненависти к России).

Грановский (ему в ответ):

„О, если б вы знали, как они любили Россию“.

Шатов. Себя любили и про себя одних ныли».²²

И далее: «Я теперь понимаю, — утверждает Хроникер, — что говорил Ш<атов> об этой ненависти Белинских и всех наших западников к народу, и если они сами будут отрицать это, то ясно, что они не сознают этого. Это так и было: они думали, что ненавидят любя, и так возвещали об себе.²³ Они не стыдились даже своей крайней брезгливости к народу, когда с ним сталкивались в самом деле практически (в теории-то они его любили)».²⁴

2

Задумав свой роман как политический памфлет на нигилистов конца 1860-х—начала 1870-х годов, решая для себя вопросы о причинах и истоках русского нигилизма, о взаимоотношениях между представителями различных поколений России,

²² Записные тетради, с. 119. В подобном же духе высказывается в романе Шатов (см. ч. I, гл. 1 «Бесов»).

²³ Вероятно, намек на цитированное выше признание Потугина о его «любви-ненависти» к России.

²⁴ Записные тетради, с. 154. Позднее, в середине 1870-х годов Достоевский в значительной мере пересмотрел свое пристрастное отношение к Белинскому, характерное для конца 1860-х—начала 1870-х годов. Так, в записной тетради 1876—1877 гг. Достоевский причисляет Белинского к разряду «крайне русских», «наиболее русских людей», примкнувших «прямо уже к социалистам, отрицавшим <...> весь порядок Европы», и признает его любовь к народу (см.: Литературное наследство, т. 83, с. 530—531). В «Дневнике писателя» за 1876 год Белинский назван «в высшей степени русским» и «самым крайним борцом за народную правду» (см. статьи «Мой парадокс» и «Вывод из парадокса» — XI, 319, 322). По существу, Достоевский сближает здесь Белинского с Герценом как своеобразного «разочаровавшегося западника», также пришедшего к отрицанию основ европейской жизни.

Достоевский неизбежно должен был обратиться к опыту своих литературных предшественников в этой области и в первую очередь к творчеству Тургенева, писателя, который, по меткому выражению Н. Н. Страхова, «дал имя и образ» нигилистам в романе «Отцы и дети».

Мнение о влиянии на автора «Бесов» романа «Отцы и дети» не раз высказывалось исследователями.²⁵ Однако конкретная роль, которую роман Тургенева сыграл в творческой истории «Бесов», до сих пор не раскрыта. Очевидно, чтобы установить эту роль, прежде всего следует обратиться к черновым материалам романа, позволяющим проследить эволюцию художественной мысли Достоевского.

Ориентация на роман «Отцы и дети» особенно заметна на ранней стадии работы писателя над «Бесами». Поколение «отцов» представляет в романе Грановский, либерал-идеалист 40-х годов, современник и единомышленник Белинского, Герцена и Тургенева; поколение «детей» — сын Грановского, Студент-нигилист (он же Нечаев). В февральских записях 1870 г. уже подробно обрисовывается конфликт между отцом и сыном, причем Достоевский в какой-то мере использует сюжетно-композиционную схему тургеневского романа и художественные приемы Тургенева.

В записях первой половины февраля 1870 г. будущие «Бесы» даже сюжетно напоминают роман «Отцы и дети» (приезд нигилиста в дворянское имение, его общение и споры с местными «аристократишками», поездка в губернский город, роман со светской женщиной (Красавицей)). Подобно автору «Отцов и детей» Достоевский стремится раскрыть своих героев, прежде всего, в идейных спорах и полемике; поэтому целые сцены проектируются в виде диалогов, излагающих идеологические столкновения неославянофила и «почвенника» Шатова с западником Грановским и нигилистом Студентом. Приведем пример.

«Является Ст<удент> (для фальш<ивых> бумажек, прокламаций и троек). Обрадовал Ш<атова>. Смущает отца нигилизмом, насмешками, противоречиями. Прост, прям. Перестроить мир <...> Ст<удент> в городе и обществе (*Базаров*)».²⁶

Первая схватка Базарова со «старенькими романтиками» Кирсановыми происходит за вечерним чаем, когда раскрывается теоретическая программа тургеневского нигилиста.

Достоевский несколько раз обращается в черновиках к сцене обеда у Княгини (будущей Варвары Петровны Ставрогиной),

²⁵ См.: Гроссман Л. П. Достоевский-художник. — В кн.: Творчество Достоевского. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 386—387; Полонский Вяч. Николай Ставрогин и роман «Бесы». — В кн.: Спор о Бакунине и Достоевском. Л., ГИЗ, 1926, с. 172; см. также упоминавшиеся выше работы Ю. А. Никольского и А. С. Долинина.

²⁶ Записные тетради, с. 110.

во время которого должен проявиться в полной мере нигилизм Студента.

«NB. Княгиня слыхала о нигилистах и видала (Писарев), но ей хотелось Базарова и не для того, чтоб спорить или обращать того, а для того, чтоб из его же уст послушать его суждений (об искусстве, о дружбе) и поглядеть, как он будет ломаться à la Базаров. Ст<удент> удирает, напротив, такую штуку, что выставляется самую равнодушною, спокойною и неподымчивою посредственностью».²⁷

В дальнейшем, преимущественно в беседах с отцом, проясняется общественно-политическое сredo нигилиста и раскрывается его нравственно-психологический облик: «С этого (с разрушения) естественно всякое дело должно начаться, — заявляет Студент, — я это знаю, а потому и начинаю. До конца мне дела нет, а знаю, что начинать нужно с этого, а прочее все болтовня и только растлевет и время берет <...> Чем скорее, тем лучше, чем раньше начинать — тем лучше (прежде всего бога, родственность, семейство и проч.). Нужно все разрушить, чтоб поставить новое здание, а подпирать подпорками старое здание одно безобразие».²⁸

Студент освобождает себя, как от ненужного хлама, не только от нравственных принципов и критериев, но также от норм внешнего приличия. Он жесток и груб по отношению к отцу, полностью отрицает родственные чувства, цинически отзывается о матери, бесцеремонно вторгается в личную жизнь отца, издевается над старинной дружбой Степана Трофимовича с Варварой Петровной, третирует отца как видного деятеля минувшей эпохи (Студент в глаза называет отца «плаксивой гражданской бабой», «приживальщиком», «мумией, которая переродиться не может»)²⁹.

«Студент не глуп, — разъясняет Хроникер, — но мешают ему, главное, презрение и высокомерие нигилистическое к людям. Знать действительности он не хочет <...> Вопросы же о благородстве и подлости он и не ставит, как прочие нигилисты. Не до того теперь и не до тонкостей. Дескать, *надо* действовать и не понимая, что и деятель должен прежде всего по крайней мере хоть осмотреться».³⁰

²⁷ Там же, с. 115; ср. с описанием обеда на с. 113—114.

²⁸ Там же, с. 123.

²⁹ Там же, с. 113—118 и др. В беседах с Аркадием Базаров называет Кирсановых «аристократишками» и «старенькими романтиками», Павла Петровича — «идиотом», о Николае Петровиче говорит, что «его песенка спета». При личном общении с ними он резок и подчеркнуто сух. Боязнь «рассыропиться» можно объяснить сдержанную сухость Базарова по отношению к приятелю Аркадию, к которому он, несомненно, привязан. Под внешней фамильярно-грубоватой формой обращения Базарова с родителями скрываются, однако, подлинная любовь и уважение к ним.

³⁰ Там же, с. 141.

Итак, Студент ранних набросков к «Бесам» — нигилист самой грубой формации, из-под вульгарной маски которого как бы проступают отдельные черты Базарова, точнее базаровщины, резко заостренные и окарикатуренные. Да и сама программа нигилистического отрицания у Студента приобретает карикатурные формы, чего не было в «Отцах и детях» (идеи разрушения семей, общих жен и т. д.).³¹

Рисуя своего нигилиста, Достоевский своеобразно сочетает в нем черты базаровщины и хлестаковщины, благодаря чему образ снижается, предстает в пародийно-комическом плане. Особенно Достоевский упорен в намерении изобразить первоначальное «хлестаковское» появление Студента в городе. В летних записях 1870 г. читаем: «...NB. Приезд сына Ст<епа>н<а> Т<рофимови>ча (вроде Хлестакова — какие-нибудь гадкие, мелкие и смешные истории в городе. Его считают за ничто. Наконец он объявляет себя. В глазах их царь). А первая часть — ничтожная и идиотская тварь».³²

Или: «Между тем в городе, вроде Хлестакова, сын Ст<епа>н<а> Т<рофимови>ча. Мизерно, пошло и гадко <...> Он расстраивает брак Ст<епа>н<а> Т<рофимови>ча, способствует клевете, маленькие комические скандальчики <...> всё по-прежнему, только выход хлестаковский».³³

Этот первый «хлестаковский» выход Петра Верховенского сохранен в окончательном тексте «Бесов» (см. сцену «конклава» в гостиной у Варвары Петровны — ч. I, гл. V, «Премудрый змий»). В портрете младшего Верховенского, в его неожиданном появлении перед собранием, в манере держаться, в его вдохновенно-лживой импровизации о Ставрогине и Хромоножке несомненно много хлестаковского. В дальнейшем Петр Верховенский часто пользуется маской наивного, грубовато-простодушного и болтливового человека, неизвестно откуда появляющегося («как с луны свалился»), чтобы одурачивать окружающих в своих целях.

На первый взгляд сопоставление Петра Верховенского с Базаровым может показаться надуманным.

Действительно: величественную и суровую фигуру тургеневского героя как-то трудно представить себе рядом с ничтожным Петром Верховенским. Умница Базаров, не способный на компромиссы, сумевший умереть как герой, — и вертлявая «обезьяна нигилизма» Верховенский — мелкий, подлый, бездушный, лишенный элементарной человеческой порядочности.

³¹ Там же, с. 123, 147—148, 150—151 и др.

³² Там же, с. 53.

³³ Там же, с. 55.

Другое дело — Базаров и Раскольников, психологическое родство которых тонко подметил Г. А. Бялый.³⁴

И тем не менее мы полагаем, что Петр Верховенский — своеобразный сниженный двойник Базарова, подобно тому как Свидригайлов является двойником Раскольникова, Смердяков — Ивана Карамазова, а Федька Каторжный — Ставрогина. В личности Базарова — разные грани. И если одними он соприкасается с Раскольниковым, то другими — с Петром Верховенским. Петр Верховенский воплощает лишь односторонне развитые и заостренные отрицательные черты базаровского типа, то, что обычно называют базаровщиной.

Разумеется, Базаров — лишь одна из составляющих среди сложного комплекса разнообразных жизненных и литературных впечатлений, преломленных в образе Петра Верховенского. Обратимся к сохранившимся отзывам Достоевского о Базарове и выясним, как относился писатель к тургеневскому герою в период создания романа «Бесы».³⁵ Как известно, письмо Достоевского 1862 г. к Тургеневу с развернутым анализом образа Базарова не сохранилось, но на основе ответных писем Тургенева этого периода нетрудно установить, что именно привлекло его в отзыве Достоевского.

«Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумления — и удовольствия. Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не считал нужным вымолвить», — писал Тургенев Достоевскому 18 (30) марта 1862 г. в ответ на это несохранившееся письмо.³⁶

Из других писем Тургенева 1862 г. очевидно, что его замысел — представить в Базарове «трагическое лицо» — почти никем из критиков не был понят. В известном письме к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля 1862 г. Тургенев раскрывает свое понимание Базарова как «лица трагического»: «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на гибель — потому, что она все-таки стоит еще в преддверии будущего, — мне мечтался какой-то странный pendant Пугачевым и т. д. . . .» В этом же письме Тургенев заметил: «До сих пор

³⁴ Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский). — «Русская литература», 1968, № 4, с. 34—50.

³⁵ Об отношении Достоевского к Базарову в первой половине 60-х годов см. также: Фридлиндер Г. М. К спорам об «Отцах и детях». — «Русская литература», 1959, № 2, с. 136—138; Манн Ю. Базаров и другие. — «Новый мир», 1968, № 10, с. 252—253; Тюнькин К. И. Базаров глазами Достоевского. — В кн.: Достоевский и его время. Л., «Наука», 1971, с. 108—119.

³⁶ И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма, т. IV. М.—Л., «Наука», 1962, с. 358. (Далее: Тургенев, Письма).

Базарова совершенно поняли, т. е. поняли мои намерения, только два человека — Достоевский и Боткин». ³⁷

В отличие от других первых читателей романа Достоевский тонко уловил трагическое начало, присущее Базарову, и это глубоко обрадовало Тургенева. Косвенным подтверждением может служить другой отзыв Достоевского о Базарове: в 1863 г. в «Зимних заметках о летних впечатлениях» писатель вспомнил «беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм». ³⁸ «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца» — эти слова Раскольникова Г. А. Бялый справедливо относит и к Базарову. ³⁹

О трагизме Базарова, его одиночестве, сложной раздвоенности писали много. Базаров, этот гигант, которому предстоит «много дел обломать», в то же время ничтожен перед лицом неумолимой природы: он ощущает себя на краю бездны, которая «поминутно под ним разверзнуться может». Презрение к людям и желание с ними «возиться» характерны для той «злости» Базарова, которая составляет «оборотную сторону любви». В нем сочетаются пренебрежительное отношение к мужику и вера в то, что нигилизм вызван потребностями народной жизни. Он отрицает любовь и способен к огромному, всепоглощающему чувству. Он максималист не только в своих требованиях к другим, но прежде всего по отношению к себе самому. Преждевременная и героическая смерть Базарова, по замыслу Тургенева, должна была лишь «наложить последнюю черту на его трагическую фигуру». ⁴⁰

Для Достоевского Базаров трагичен, «несмотря на весь его нигилизм» и даже вопреки ему, ибо для него нигилизм и трагизм — «две вещи несовместные». Тургеневу подобное совмещение не казалось странным. «...если читатель не полюбит Базарова со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной сухостью и резкостью — если он его не полюбит, повторяю я — я виноват и не достиг своей цели», — писал Тургенев К. К. Случевскому в 1862 г. ⁴¹

Высказывания Достоевского о Базарове, непосредственно связанные с романом «Бесы», представляют для нашей темы особый интерес. В окончательном тексте «Бесов» и в подготовитель-

³⁷ Там же, с. 381.

³⁸ 5, 59. — К. И. Тюнькин в статье «Базаров глазами Достоевского» неправоммерно, на наш взгляд, стремится доказать, будто Тургенев осознал в своем Базарове трагическое начало лишь под влиянием упомянутого письма Достоевского. Именно исходя из такой концепции, в противоречии с авторскими свидетельствами самого Тургенева, исследователь анализирует письма Тургенева, разъясняющие замысел образа Базарова как лица трагического.

³⁹ «Русская литература», 1968, № 4, с. 44.

⁴⁰ Тургенев, Письма, т. IV, с. 381.

⁴¹ Там же.

ных материалах к роману они имеют вполне определенную и характерную направленность. Достоевский ставит вопрос о том, *насколько Базаров как тип нигилиста имеет реальное соответствие в современных нигилистах.*

В главе 1 ч. II «Бесов» Степан Трофимович, стремясь лучше понять сына, обращается к Базарову, этому прославленному литературному воплощению нигилизма.

«Я не понимаю Тургенева, — рассуждает Степан Трофимович. — У него Базаров это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе; они же ⁴² первые и отвергли его тогда, как ни на что не похожее. *Этот Базаров это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном,*⁴³ *c'est le mot!* Посмотрите на них внимательно: они кувыркаются и визжат от радости, как щенки на солнце, они счастливы, они победители! Какой тут Байрон!.. И притом какие будни! Какая кухарочная раздражительность самолюбия, какая пошленькая жажда *faire du bruit autour de son nom*, не замечая, что *son nom*... О карикатура! Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложить желаешь?» (VII, 177).⁴⁴

Степан Трофимович Верховенский, как известно, выражает в романе в ряде случаев идеи, близкие самому Достоевскому. Именно он по воле автора «Бесов» является истолкователем евангельского эпиграфа к роману, и смысл этого истолкования очень близок к авторскому (см., например, письмо к А. Н. Майкову от 9/21 октября 1870 г.). Очевидно, и суждение Степана Трофимовича о Базарове навеяно размышлениями автора о герое Тургенева.

⁴² Т. е. нигилисты.

⁴³ Курсив мой, — Н. Б. Ср.: «Ноздрев с Байроном, суждение несправедливое и завистливое, но, по-моему, не лишнее ума» в подготовительных материалах к «Бесам» (Записные тетради, с. 292). Само пародийное соединение в характеристике Базарова имен Байрона и Ноздрева, очевидно, было навеяно, как справедливо предполагает К. И. Тюнькин, высказываниями о тургеневском герое М. А. Антоновича и М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: Достоевский и его время, с. 111). В статье «Асмодей нашего времени» («Современник», 1862, № 3) Антонович писал: «По-видимому, г. Тургенев хотел изобразить в своем герое, как говорится, демоническую или байроническую натуру, что-то вроде Гамлета; но, с другой стороны, он придал ему черты, по которым эта натура кажется самою дюжинною и даже пошлою, по крайней мере, весьма далекою от демонизма. И от этого в целом выходит не характер, не живая личность, а карикатура <...> и притом карикатура самая злостная...» (Антонович М. А. Избранные статьи. Л., ГИХЛ, 1938, с. 149). С Ноздревым сравнивал Базарова Салтыков-Щедрин в статье «Петербургские театры» («Современник», 1863, № 1—2).

⁴⁴ В письме к А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г. Достоевский также противопоставляет атеистам Христа как высший нравственный идеал человеческой личности (П., II, 31; см. также близкое по смыслу рассуждение Шатова в подготовительных материалах к роману — Записные тетради, с. 155).

В подготовительных материалах к «Бесам» есть и еще одно интересное высказывание о Базарове:

«Базаров написан человеком сороковых годов и без ломания, а стало быть, без нарушения правды человек сороковых годов не мог написать Базарова.

— Чем же он изломан?

— На пьедестал поставлен, тем и изломан». ⁴⁵

Смысл этого высказывания таков: «человек сороковых годов», т. е. Тургенев, идеализировал в Базарове тип современного нигилиста, поставив его на высокий пьедестал, что является нарушением художественной правды. Базаров окружен тем трагическим, героическим ореолом, который ассоциируется у Степана Трофимовича с Байроном, тогда как в резкости, грубости и ломании Базарова проглядывает прежде всего Ноздрев.

Возможно, что высказывания о Базарове в черновиках и окончательной редакции романа «Бесы» полемически направлены против авторских разъяснений Базарова в упоминавшемся очерке «По поводу „Отцов и детей“» (1869), а также некоторых отзывов о нем критиков. Неудача своего героя у демократической молодежи 1860-х годов Тургенев пытался объяснить, в частности, тем фактом, что он, как писатель, подошел к новому тогда еще типу нигилиста слишком объективно и беспристрастно, изобразив его без всякой идеализации, со всеми резкостями и угловатостями, присущими этому типу вообще. «На его (Базарова, — *Н. Б.*) долю не пришлось — как на долю Онегина или Печорина — эпохи идеализации, сочувственного превознесения <...> Базаровский тип имел по крайней мере столько же права на идеализацию, как предшествовавшие ему типы». ⁴⁶

М. Н. Катков, отзыв которого Тургенев приводит в своих воспоминаниях, напротив, считал, что писатель идеализировал Базарова: «Если и не в апофеозу возведен Базаров, то нельзя не сознаться, что он как-то случайно попал на очень высокий пьедестал. Он действительно подавляет всё окружающее. Всё перед ним или ветошь или слабо и зелено. Такого ли впечатления нужно было желать?» ⁴⁷

Рассуждения о «ломании» и «изломанности» Базарова имеют аналогии в статье Страхова об «Отцах и детях» (1862): «Базаров вышел человеком простым, чуждым всякой изломанности и вместе крепким, могучим душою и телом». ⁴⁸ И далее: «Базаров — теоретик; он человек странный, односторонне-резкий; он проповедует необыкновенные вещи; он поступает эксцентрически;

⁴⁵ Записные тетради, с. 116.

⁴⁶ Тургенев, Сочинения, т. XIV, с. 102—103.

⁴⁷ Там же, с. 104.

⁴⁸ Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом, с. 29.

он школьник, в котором вместе с глубокой искренностью соединяется самое грубое *ломанье*». ⁴⁹

Резкое неприятие современных Базаровых, перешедших от отвлеченного отрицания к нигилистической практике убийств и разрушения, обусловило ту известную переоценку образа Базарова, которая характерна для Достоевского в период работы над «Бесами». Писатель видит в нигилистах-«бесах» вырождение базаровского типа, отвратительную «нигилятину», опошление некогда величественной идеи, попавшей «на улицу».

Изображая своего нигилиста Петра Верховенского, Достоевский лишает его высокого трагического начала, присущего Базарову, — того начала, которое свидетельствует о великом, беспокойном и тоскующем сердце тургеневского героя. Петр Верховенский — бесконечно сниженный и опошленный Базаров, лишенный его ума и величия.

Базаровские сухость, жесткость, резкость, грубоватая прямота, доведенные до своего логического предела, переходят у Петра Верховенского в открытое хамство, наглость, полную бессердечность; гордость и самолюбие Базарова — в мелкую самолюбленность и самодовольство Петра Верховенского.

Базаров является тем естественным центром, вокруг которого движется все действие романа «Отцы и дети». Петр Верховенский оказался слишком ничтожным для подобной роли. Злодей и убийца, обладающий в избытке «базаровщиной» и даже «хлестаковщиной», он, однако, в отличие от Базарова лишен внутренней сложности.

В подготовительных материалах к «Бесам» (а позднее и в самом романе) ведущей становится проблема поколений, нашедшая свое выражение в тщательной разработке Достоевским сцен, раскрывающих идеологические столкновения «западника»-идеалиста 40-х годов Степана Трофимовича Верховенского и его сына-нигилиста.

Тургеневский конфликт между «отцами» и «детьми» у Достоевского углубляется. Конфликт этот приобретает резкие драматические формы еще и потому, что Степан Трофимович — отец Петра Верховенского как бы вдвойне: и по кровной, и по духовной связи. К тому же «отцов» в «Бесах» представляют не провинциальные помещики и не уездный лекарь, но характерные деятели эпохи 40-х годов (С. Т. Верховенский, Кармазинов). Сознавая идейное родство своего поколения с «детьми» — нигилистами 1860-х годов, Степан Трофимович в то же время ужасается, в какие безобразные формы вылился современный нигилизм, и в конце концов порывает с последним.

⁴⁹ Там же, с. 35—36.

Обрабатывая в планах мотив нечаевского убийства, Достоевский задумывается над ролью, которую будет играть в романе Грановский (будущий Степан Трофимович).

«Но при чем же Гр<ано>вский в этой истории?

— Он для встречи *двух поколений всё одних и тех же западников, чистых*⁵⁰ и нигилистов, а Ш<атов> новый человек».⁵¹

В набросках, относящихся к лету 1870 г., Достоевский в соответствии со своим первоначальным художественным заданием следующим образом объясняет замысел образа старшего Верховенского и его роль в идейно-философской концепции романа: «Без подробностей, *сущность* Степана Трофимовича в том, <что> он хоть и пошел на соглашение сначала с новыми идеями, но порвал в негодовании (пошел с котомкой) и ОДИН не поддался новым идеям и остался верен старому идеальному сумбуру (Европе, «Вестник Европы», Корш). В Степане Трофимовиче выразить невозможность поворота назад к Белинскому и оставаться с одним европейничанием. „Прими все последствия, ибо неестественный для русского европеизм ведет к тому“ — он же не понимает и хнычет».⁵²

Нетрудно заметить, что эта характеристика Степана Трофимовича близка к страховским оценкам Грановского как «чистого западника», неспособного на компромиссы с «нечистыми» последователями.

⁵⁰ Сам термин «чистый западник» в применении к Степану Трофимовичу Достоевский заимствует, очевидно, у Н. Н. Страхова. В рецензии на книгу А. Станкевича о Грановском Страхов пишет об историке: «Это был чистый западник, т. е. западник еще совершенно неопределенный, который одинаково сочувственным взглядом обнимал всю историю Европы, все ее жизненные явления <...> Итак, сочувствие всему прекрасному и великому, где бы и как бы оно ни являлось, есть единственная формула, в которую можно уловить направление Грановского. В этом смысле его нельзя было бы причислить ни к какой определенной партии — и его деятельность следовало бы признать полезной и плодотворной для всех направлений русской мысли» («Заря», 1869, № 7, с. 159, 161). Здесь же Страхов высказывает идеи, созвучные Достоевскому в период работы над «Бесами», о преемственной связи между «западничеством» и нигилизмом, об истоках современного нигилизма. Для Страхова, и это существенно, современный нигилизм — порождение и неизбежное следствие «западничества», хотя «чистые» «западники» и стремятся всеми силами отмежеваться от своих «нечистых» последователей. «Итак, — пишет Страхов, — истые современные западники уже не сочувствуют Грановскому. Они, естественно, предпочитают ему Белинского и других, которые повели дальше то же самое дело <...> После Белинских, Добролюбовых, Писаревых напрасно нас убеждать, что можно до сих пор стоять на той точке чистого западничества, на которой стоял Грановский. У Грановского теперь не может быть последователей — и если все партии его более или менее хвалили, то в настоящую минуту, как мы видели, он одинаково чужд для всех партий» (там же, с. 174).

⁵¹ Записные тетради, с. 112.

⁵² Записные тетради, с. 218.

Не только идейная рознь и взаимное непонимание, но и духовная преемственность, существующие между западниками «чистыми», т. е. поколением «либералов-идеалистов 40-х годов», и «нечистыми», т. е. современными Нечаевыми, моральная ответственность первых за грехи последних; «западничество» — с его отрывом от русской «почвы», народа, от коренных русских верований и традиций — как основная причина появления нигилизма — вот тот основной комплекс идей, при помощи которых Достоевский в духе «почвенничества» своеобразно переосмысляет тургеневскую концепцию «отцов» и «детей».

Исследователи не раз отмечали, что Степан Трофимович Верховенский, являясь обобщенным портретом либерального «западника» 40-х годов, соединяет в себе черты многих представителей этого поколения (Т. Н. Грановского, А. И. Герцена, Б. Н. Чичерина, В. Ф. Корша и других). Вопрос о Тургеневе как возможном прототипе Степана Трофимовича Верховенского затронут М. С. Альтманом в его статье «Этюды по Достоевскому». ⁵³ Как считает М. С. Альтман, Тургенев изображен в «Бесах» не только в лице Кармазинова, но «некоторыми чертами отчасти — также и в Степане Трофимовиче», так как оба они, Кармазинов и С. Т. Верховенский, — «вариации на один мотив — русский либерализм 1840-х годов». ⁵⁴ Известную аналогию исследователь усматривает между отношениями Степана Трофимовича — Варвары Петровны, с одной стороны, и Тургенева—Полины Виардо, с другой. ⁵⁵

Каковы же черты, роднящие, по мнению Достоевского, Тургенева и Степана Трофимовича? Мы думаем, что помимо некоторого сходства характеров к числу этих черт, кроме «любви к немцам», которой Достоевский наделяет всех «западников вообще», относятся любовь к искусству, безверие, компромиссно-половинчатое отношение к молодому поколению и, как следствие последнего, взаимное непонимание (Тургенев, называющий себя «нигилистом» и согласный уступить нигилистам все, кроме искусства, в то же время не понят молодым поколением. Этот мотив варьируется и в Кармазинове, и в Степане Трофимовиче).

Основное ядро концепции двух поколений, сложившейся уже на раннем этапе творческой истории романа, а позднее расширенной и облеченной Достоевским в религиозно-философскую символику евангельских бесов, сохранилось до конца в неизменном виде, хотя прямая аналогия с романом «Отцы и дети», весьма ощутимая в февральских черновых записях, постепенно ослабевает.

⁵³ «Известия АН СССР», серия лит-ры и яз., 1963, т. XXII, вып. 6, с. 495—496.

⁵⁴ Там же, с. 495.

⁵⁵ Ср. там же, с. 495—496.

Проблема поколений раскрывается в «Бесах» прежде всего в истории исполненных острого драматизма взаимоотношений отца и сына Верховенских, хотя к поколению «отцов» принадлежат также Кармазинов и фон-Лембке, а к поколению «детей» — Николай Ставрогин и члены кружка нигилистов. Кармазинов, подобно Степану Трофимовичу являющийся представителем «поколения 40-х годов», дан Достоевским в явно карикатурном плане и поэтому не годится для раскрытия драматической коллизии во взаимоотношениях поколений.⁵⁶

Достоевский подробно разъясняет идейно-философскую концепцию «Бесов» в ряде писем Майкову и Страхову 1870—1871 гг. Особенно отчетливо она выражена Достоевским в его письме 1873 г. к А. А. Романову.

«Это почти исторический этюд, — пишет Достоевский о своем романе, — которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как нечаевское движение.⁵⁷ Взгляд мой состоит в том, что это явление не случайность, не единичное. Оно — прямое последствие великой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению, что совершенно преступно для нас, русских, мечтать о своей самобытности <...> А между тем главнейшие проповедники нашей национальной несамобытности с ужасом и первые отвернулись бы от нечаевского дела. Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы нечаевцам.⁵⁸ Вот эту родственность и преемственность мысли, развивавшуюся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моем» (П., III, 49—50).

⁵⁶ А. С. Долинин в статье «Тургенев в „Бесах“» пишет: «В концепции „отцов и детей“, так, как она дана в „Бесах“, в той духовно-генеалогической связи, которая устанавливается между поколением людей 40-х гг. и поколением 60-х — эпигонами нигилизма, Петр Верховенский духовный сын не Степана Трофимовича, а именно Кармазинова» (Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник 2, с. 126). Это утверждение представляется нам односторонним, так как Долинин выделяет лишь один из аспектов концепции поколений, а именно идейную преемственность, и забывает о другом — о трагедии взаимного непонимания.

⁵⁷ Подобную же мысль Достоевский высказывает и в статье «Одна из современных фальшей» («Дневник писателя» за 1873 год). Отметив, что в «Бесах» не следует искать «буквального воспроизведения нечаевской истории» и портрета реального Нечаева, писатель следующим образом формулирует свой творческий замысел: «Я хотел поставить вопрос, и сколько возможно яснее, в форме романа, дать на него ответ: каким образом в нашем переходном и удивительном современном обществе возможны — не Нечаев, а *Нечаевы*» (XI, 129—130).

⁵⁸ Тургенев был не так далек от истины, когда с возмущением писал М. А. Милютиной 3 (15) декабря 1872 г., что Достоевский представил его под именем Кармазинова, «тайно сочувствующим нечаевской партии» (Тургенев, Письма, т. X, с. 39).

Итак, Грановские и Белинские, т. е. русские «западники» 40-х годов (в их числе, конечно, и Тургенев), — прямые отцы современных Нечаевых. В этом высказывании Достоевского о «Бесах» содержится явный намек на роман Тургенева (в центре произведения — проблема «отцов» и «детей») и полемика с ним как с крупнейшим современным представителем поколения 40-х годов.

3

Рассмотрим в заключение некоторые важные для нашей темы произведения Герцена, рисующие его конфликт с русской «молодой эмиграцией» Женевы конца 1860-х годов, особенно обострившийся с выходом в свет брошюры А. А. Серно-Соловьевича «Наши домашние дела» (1868). Речь идет о статье Герцена «Еще раз Базаров» (1869) и главе III «Былого и дум» (1870).

Сущность и причины этого конфликта исследованы в специальной исторической литературе,⁵⁹ и мы не будем подробно останавливаться на этом. Отметим только, что существенным моментом разногласий являлся вопрос об идейной преемственности и вкладе разных поколений в революционную борьбу с царизмом.

Преувеличивая либеральные ошибки Герцена, представители «молодой эмиграции» явно недооценивали ту выдающуюся роль, которую сыграл Герцен и созданная им за границей «Вольная русская печать» в истории революционно-освободительного движения России. Это непризнание «детьми» заслуг своих предшественников, «отцов», выражавшееся подчас в резкой и бестактной форме, Герцен болезненно переживал. Оскорбленный пренебрежительным отношением молодых революционеров, он сам порою бывал высокомерно-резким и нетерпимым по отношению к ним. Сказывалось и то, что представители русской революционной эмиграции принадлежали к различной социальной и культурной среде. Дворянина Герцена с его широким и разносторонним образованием раздражали в молодых разночинцах недостатки образования и воспитания, резкие манеры, бесцеремонность обращения, безапелляционность суждений и т. д.

Как известно, Герцен болезненно переживал свои разногласия с представителями молодой русской эмиграции и стремился найти пути для взаимопонимания и примирения с ними, ибо видел в них «своих», союзников в общей борьбе с самодержавием.

⁵⁹ См.: Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». — В кн.: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., Изд-во АН СССР, 1961, с. 483—577; Герцен А. И. Собрание сочинений, т. XI, с. 713—715; т. XX, кн. 2, с. 788—791.

Размышляя о своих драматических отношениях с «молодой эмиграцией», Герцен многократно обращался к роману Тургенева «Отцы и дети» и образу Базарова.

В свое время Герцен понял значительность образа тургеневского нигилиста и даже упрекнул писателя в том, что тот «карикировал» Базарова, задержав внимание читателя на его «дерзкой, сломанной, желчевой наружности — на плебейско-мещанском обороте». По мнению Герцена, Тургенев несправедливо отнесся «к серьезному, реалистическому, опытному воззрению», смешав его с «каким-то грубым, хвастливым материализмом» (письмо к Тургеневу от 9 (21) апреля 1862 г.).⁶⁰ В конце 1860-х годов отношение Герцена к Базарову заметно меняется. Базаров, сниженный до «базаровщины», становится для Герцена синонимом всего того отрицательного, что он видел в молодом поколении русских эмигрантов.

К 1869 г. относится статья Герцена «Еще раз Базаров». Герцена привлекает здесь не столько подлинный тургеневский герой, сколько Базаров в интерпретации Д. И. Писарева. «Верно ли понял Писарев тургеневского Базарова, до этого мне дела нет, — пишет Герцен. — Важно то, что он в Базарове узнал себя и своих и добавил, чего не доставало в книге. <...> В том-то и дело, что это не его личный идеал, а тот идеал, который до тургеневского Базарова и после него носился в молодом поколении и воплощался не только в разных героях повестей и романов, но в живые лица, старавшиеся принять в основу действий и слов своих базаровщину».⁶¹

Анализируя статью Писарева, Герцен выделяет в писаревской характеристике тургеневского героя те черты базаровщины, которые он ранее признавал мало типичными для радикальной молодежи. К ним относятся черствость, эгоизм, беспричинные резкость и грубость, повышенное самолюбие и самомнение, неуважение к окружающим, непризнание заслуг своих предшественников, поверхностное образование, отрицание искусства, отсутствие высоких нравственных принципов и др. Писаревский Базаров, по мнению Герцена, «в одностороннем смысле, до некоторой степени предельный тип того, что Тургенев назвал *сыновьями*, в то время как Кирсановы — самые стертые и пошлые представители отцов».⁶²

⁶⁰ Герцен А. И. Собрание сочинений, т. XXVII, кн. 1, с. 217.

⁶¹ Там же, т. XX, кн. 1, с. 335.

⁶² Там же, с. 339. В одном из писем к Н. П. Огареву, относящемся ко времени работы над статьей «Еще раз Базаров», Герцен отмечает, что «Базаров нравственно — выше последующих базароидов» и что он, Герцен, отталкиваясь от тургеневского персонажа, берет лишь «слабую и нагую верность типа» (там же, т. XXIX, кн. 1, с. 332). В ряде писем Герцена 1868—1869 гг., полных резких выпадов против некоторых «молодых эмигрантов», последние неизменно именуются «Базаровыми».

Исследователи Герцена справедливо отмечают, что писаревский Базаров, как предельное и одностороннее воплощение нигилизма, явился для Герцена лишь поводом для его острой полемики с конкретными представителями швейцарской «молодой эмиграции».⁶³ Особенно резкие возражения у Герцена вызвали суждения Писарева о генеалогии Базаровых и их отношении к своим литературным предшественникам — Онегиным, Печориным, Бельтовым, Рудиным. Согласно Писареву, усталые и скупающие Онегины и Печорины заменились Рудинными и Бельтовыми, людьми, стремящимися к делу. У Печориных «есть воля без знания, у Рудинных — знание без воли, у Базаровых есть и знание и воля, мысль и дело сливаются в одно твердое целое».⁶⁴ По словам Писарева, Базаровы относятся к своим предшественникам недружелюбно, с укором и насмешкой.

Возражение Герцена вызвало стремление Писарева противопоставить современных Базаровых их предшественникам — «лишним людям». В отличие от Писарева Герцен отказался признать общественную бесполезность Рудинных и Бельтовых, тех «отцов», к которым он причислял себя и поколение 40-х годов. Родоначальниками этого поколения были, по мнению Герцена, не Онегины, а декабристы и Чацкий («Декабристы — наши великие отцы, Базаровы — наши блудные дети»)⁶⁵.

Герценовский спор о сущности и исторической роли «лишних людей», об их отношении к современным Базаровым был по существу спором с представителями «молодой эмиграции» об идейной преемственности между различными поколениями передовой русской интеллигенции и их совместном вкладе в дело пробуждения общественного самосознания, в борьбу за прогресс. Именно поэтому Герцена так больно задела слова Писарева о пренебрежительном и ироническом отношении Базаровых к своим идейным предшественникам.

Несмотря на свою антипатию к «базаровщине», характерной, как считал Герцен, для ряда молодых русских радикалов-эмигрантов, он все-таки выделял то главное, что объединяло его, герценовское, поколение с передовой русской молодежью: единство общественных идеалов и целей. Интересно в этом отношении следующее высказывание Герцена: «Снимите с Базарова его мундир, заставьте его забыть жаргон, на котором он говорит, дайте ему волю *просто*, без *фразы* (ему, который так ненавидит *фразерство!*) сказать одно слово, дайте ему на минуту забыть свою ежовую обязанность, свой искусственно сухой язык, свою стегающую роль, и мы объяснимся во всем остальном в один час.

⁶³ Там же, т. XX, кн. 2, с. 789.

⁶⁴ Герцен цитирует высказывание Писарева (см.: Писарев Д. И. Сочинения, т. 2, М., Гослитиздат, 1955, с. 21).

⁶⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений, т. XX, кн. 1, с. 346.

«...» В сущности, наших юношей приводит в ярость то, что в нашем поколении выражена *наша* потребность деятельности, *наш* протест против существующего *иначе*, чем у них «...» Базаров — не оставляет никого в покое, всех задирает свысока. Каждое слово его — выговор высшего низшему». ⁶⁶ И далее: «Онегины и Печорины прошли. Рудины и Бельтовы проходят. Базаровы пройдут... и даже очень скоро. Это слишком натянутый, школьный, взвинченный тип, чтоб ему долго удержаться «...» И я глубоко убежден, что мы с детьми Базарова встретимся симпатично, и они с нами — „без озлобления и насмешки“». ⁶⁷

Герцен противопоставляет базаровщине подлинную свободу «от всех готовых понятий, от всех унаследованных обструкций и завалов», мешающих прогрессу идти вперед. ⁶⁸ Он с большим уважением отзывается об «истинных отрицателях», к числу которых относил, в частности, Грановского, Белинского, Бакунина, петрашевцев.

В главе «Былого и дум», посвященной «молодой эмиграции», Герцен снова выделяет в ее представителях те отрицательные черты, которые уже ранее были осуждены им как проявление «базаровщины». Он отмечает в них отсутствие основательного образования, пренебрежительное отношение к искусству, болезненное самолюбие, раздражительность, бесцеремонность и т. д. «На нас они смотрели как на почтенных инвалидов, как на прошедшее и наивно дивились, что мы еще не очень отстали от них», — замечает Герцен. ⁶⁹

Наиболее «свирепых», «угловатых» и «шершавых» представителей «молодой эмиграции» Герцен называет «Собакевичами и Ноздревыми нигилизма», а также «дангистами нигилизма и базаровской беспардонной вольницы». ⁷⁰

Попутно Герцен подчеркивает, как и в статье «Еще раз Базаров», что в его словах «нет ни малейшего желания бросить камень ни в молодое поколение, ни в нигилизм». «Наши Собакевичи нигилизма не составляют сильнейшего выражения их, а представляют их чересчурную крайность «...» Заносчивые юноши, о которых идет речь, заслуживают изучения, потому что и они выражают временный *тип*, очень определенно вышедший, очень часто повторявшийся, переходную форму болезни нашего развития из прежнего застоя». ⁷¹

Появление подобного типа одностороннего и уродливого развития нигилизма Герцен объясняет двояко: социальными условиями времени и причинами наследственного характера. «С од-

⁶⁶ Там же, с. 343—344.

⁶⁷ Там же, с. 340, 343.

⁶⁸ Там же, с. 348.

⁶⁹ Там же, т. XI, с. 343—344.

⁷⁰ Там же, с. 350, 352.

⁷¹ Там же, с. 350.

ной стороны, реакция против старого, узкого, давившего мира должна была бросить молодое поколение в антагонизм и всяческое отрицание враждебной среды — тут нечего искать ни меры, ни справедливости. Напротив, тут делается на зло, тут делается в отместку. „Вы лицемеры — мы будем циниками; вы были нравственны на словах — мы будем на словах злодеями; вы были учтивы с высшими и грубы с низшими — мы будем грубы со всеми; вы кланяетесь, не уважая, — мы будем толкаться, не извиняясь; у вас чувство достоинства было в одном приличии и внешней чести — мы за честь себе поставим поправление всех приличий и презрение всех *points d'honneur*’ов“. Но, с другой стороны, эта отрешенная от обыкновенных форм общежителства личность была полна своих наследственных недугов и уродств <...> Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что их систематическая неотесанность, их грубая и дерзкая речь не имеет ничего общего с неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много с приемами подъяческого круга, торгового прилавка и лакейской помещичьего дома». ⁷²

Мы оставляем в стороне вопрос о том, в какой мере резко очерченный Герценом портрет нигилиста соответствует реальному облику представителей «молодой эмиграции». Скорее всего, в острой полемике Герцен сгустил краски, заострил отрицательные черты. Но для нашей темы важно другое. Нарисованный Герценом тип «базароида» имеет разительное сходство с Петром Степановичем Верховенским, которого без всякого преувеличения можно отнести к «Собакевичам и Ноздревым нигилизма», к «дантистам нигилизма» и к представителям «базаровской беспардонной вольницы». ⁷³

В свое время Н. Н. Страхов справедливо заметил, что «гораздо лучше быть полным Базаровым, чем быть его уродливым и неполным подобием». ⁷⁴ Если поставить рядом тургеневского Базарова и его «неполных» двойников — писаревского и герценовского Базаровых, то последний наиболее далек от своего тургеневского прообраза, ибо является отражением уже искаженного двойника — писаревского Базарова. Нетрудно заметить, что Верховенский наиболее близок именно к герценовскому «базароиду».

Случайно ли это сходство? Думаем, что ни в коей мере не случайно. Конфликт между «отцами» и «детьми» русской рево-

⁷² Там же, с. 351.

⁷³ Ср. вышеприведенные слова Достоевского: «Этот Базаров — это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном», а также с характеристикой, которую Степан Трофимович дает современным нигилистам (VII, 177—178).

⁷⁴ Страхов Н. Н. «Отцы и дети». — «Русский вестник», 1862, № 4; цитирую по кн.: Страхов Н. Н. Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом, с. 6.

люционной эмиграции конца 1860-х годов, резкие отзывы Герцена о ее молодых представителях — все это могло дать Достоевскому материал для романа «Бесы», тем более что он был в курсе дела.

Достоевский читал, в частности, упоминавшуюся выше главу о «молодой эмиграции» из «Былого и дум», опубликованную впервые в «Сборнике посмертных произведений» Герцена (Женева, 1870). На этот счет есть прямое указание в самом тексте «Бесов». В главе «Петр Степанович в хлопотах» (ч. II, гл. VI романа) вскользь говорится об уплывшем на Маркизские острова кадете, «о котором упоминает с таким веселым юмором г. Герцен в одном из своих сочинений» (VII, 284). Достоевский имеет здесь в виду рассказ Герцена о П. А. Бахметьеве в главе «Былого и дум», посвященной «молодой эмиграции».

Достоевский, очевидно, был знаком и со статьей Герцена «Еще раз Базаров», напечатанной в «Полярной Звезде на 1869 год».⁷⁵ И в образе Петра Верховенского Достоевский не столько повторил черты тургеневского Базарова, сколько дал свою интерпретацию облика эпигонов этого персонажа, в которых базаровщина получила уродливо-однобокое развитие (ср. с образом герценовского «базароида»). Вот почему для понимания той концепции поколений, как она дана в «Бесах» (идейная рознь и идейная преемственность между поколением западников 40-х и нигилистов 60-х годов), представляют несомненный интерес — в широком идеологическом плане — те исполненные острого драматизма отношения, которые сложились в конце 60-х годов между видным «западником» 40-х годов и признанным вождем «нигилистов» Герценом, с одной стороны, и молодой русской революционной эмиграцией — с другой.

⁷⁵ О том, что Достоевский постоянно читал «Полярную звезду» и другие издания Вольной русской печати см. в «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской (М., 1972). А. С. Долинин высказал предположения о возможных личных встречах Достоевского во время его пребывания в Женеве в 1867—1868 гг. с некоторыми представителями «молодой эмиграции», в частности, с Н. И. Утиным (см.: П., II, 401—402). Ср. в наст. сборнике статью Е. Н. Дрыжаковой (стр. 219—239).